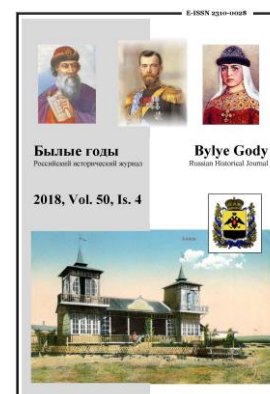

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1674-1683. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1674
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The History of the Russian Region in the Context of Regional Geography (Popular Scientific Geographical Literature of the late 19 – early 20 centuries about Don)

Nikolaj A. Mininkov ^{a, *}, Ludmila V. Mininkova ^a

^a South Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

At a boundary of the 19-20th centuries the regional geography has gained development. It became one of popular branches of complex humanitarian and geographical knowledge. During this period fundamental works on regional geography appeared which belonged to Russia and its territories, including to Area of army of Donskoy. In major works on regional geography of this time in popular form questions of history of Don in connection with questions of his demography, ethnography, economy and settlements were stated. These essays and sections draw attention to the features of the history of the land of the Cossacks as its indigenous population, the changes in different spheres of internal life that took place during the historical development. The focus of the essays-the man, his culture, the processes of formation of the craftsman and warrior man of modern times, taking place under the influence of gradually developing modernization processes. Essays and sections are not devoid of some historical inaccuracies. The emergence of such literature at the turn of two centuries testifies to the growing public interest in the geography and history of countries and regions and the General humanization of culture, in which the problem of man on earth occupies an increasingly prominent place.

Keywords: regional geography, history, science fiction, the story of the Don, the Don Cossacks, D.L. Mordovcev, E. Reklu, P.P. Semenov, V.V. Bogachev.

1. Введение

Одной из тенденций в культурной жизни России, как и других европейских стран, стало на рубеже XIX–XX вв. быстрое развитие страноведения и возрастание к нему общественного интереса. Определялось это особенностями представлений о человечестве и его культуре, сложившимися к тому времени. С одной стороны, формировались теории, согласно которым человечество было разделено на разные культурно-исторические типы или культуры, которые противостояли друг другу, а взаимное влияние их друг на друга было ограниченным. В концентрированном виде эту мысль выразил выдающийся английский писатель и идеолог британского колониализма Р. Киплинг, заявивший в «Балладе о Востоке и Западе», что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут». Еще более четко говорил об этом О. Шпенглер, отрицавший за понятием «человечество» какое-либо конкретное научно-гуманитарное содержание, видевший в нем лишь «зоологическое понятие или звук пустой» (Шпенглер, 2003: 40). Такой взгляд приобретал популярность. В сочетании с более ранним представлением об отсталости Востока и Юга с гегелевским тезисом об исторических и неисторических народах он служил обоснованием для экспансии европейских держав в Азии и Африке, для положения об их цивилизаторской миссии для народов этих континентов.

С другой – получали распространение идеи, в свете которых признавалось существование единого человечества, при несомненном учете различий между его культурами. Такое представление складывалось в трудах последователей французской школы географии человека как крупного научного направления и идейного течения того времени, в основе которого «лежит идея "земного

* Corresponding author

E-mail addresses: namininkov@sfedu.ru (N.A. Mininkov), lvmininkova@sfedu.ru (L.V. Mininkova)

единства"» и «роли человека как фактора, изменяющего географическую среду» (Афанасьев, 1980: 24). Появилась эта идея и в России. Возникла она, прежде всего, на почве философии человеческого всеединства, обозначающей «принцип внутренней формы совершенного единства множества», позиции которой четко обозначил В.С. Соловьев (Новикова, Сиземская, 1997: 256). На его основе выдвигалась новая стратегия гуманитарного познания как «понимания культурно-исторических феноменов» (Румянцева, 2002: 148), понимания Другого, или человека другой эпохи и другой культуры, и принципиальной возможности такого познания, обосновывалась познавательная стратегия в гуманитарном познании как понимание.

2. Обсуждение и результаты

Все это способствовало возникновению в европейских странах глубокой общественной потребности в знаниях о странах, народах и их культурах и вело к выделению страноведения в качестве одного из новых явлений в культурной жизни общества, находящегося на стыке научного знания и массовой культуры. Этому же способствовало начало нового этапа в развитии междисциплинарных и межкультурных связей, определявшихся завершением раздела мира между крупнейшими европейскими державами. Колониальная политика вела к значительному расширению кругозора европейцев, к осознанию необходимости всемерного развития контактов с населением колоний, к актуализации в гуманитарном сознании вопроса об общем и особенном в разных культурах и их истории. Вместе с тем в самих колониях появлялся круг по-европейски образованных личностей, вроде Махатмы Ганди, представителей местной культурной элиты, которые также способствовали сближению культур и взаимопониманию между метрополиями и колониями, между разными историческими сообществами. К этому также с неизбежностью вело формирование единого мирового экономического пространства, все более тесные контакты между разными странами мира, между людьми и культурами. Процесс глобализации, начало которого произошло еще в эпоху Великих географических открытий на заре нового времени, вышел на новую стадию в своем развитии уже на совершенно иной экономической, технической и культурной основе.

Что касается последней, то одной из ее сторон был неоромантизм. Он был обращен к поиску идеала в прошлом и заключался в идее возвращения всего мира к этому идеалу, причем его носителями нисколько не исключалось насильственное возвращение. Такое возвращение обеспечивало бы в их глазах спасение от потрясений эпохи модернизации, от морально-нравственного упадка, который рассматривался ими как прямое порождение модернизации. Неоромантизм при этом обращал глобальную идею одновременно и в пространственную географическую горизонталь, и во временную историческую вертикаль. На этой почве четко обозначился интерес к странам или к отдельным их территориям, сохранявшим особенности культурно-бытового уклада и живые традиции старины, к их истории. То же само относилось к территориям, где активно развивалось культурное взаимодействие и имело место сожителство и взаимовлияние культур.

Таким образом, в сложную переходную эпоху кризиса модерна и становления мирового сообщества новейшего времени оказалась востребованной такая отрасль знаний, которая объединяла бы в себе сведения о человеке, обществе и его культуре в их историческом развитии и географическом распространении. Отсюда предпосылки возникновения в этот период сочинений, относящихся к данному направлению культуры, особенностью которых было сочетание признаков науки и способность удовлетворить познавательный интерес широкого читателя.

Ряд таких сочинений появился в России. Для них была характерна подача общего материала по географии, демографии, экономике и истории и наличие более подробного описания страны через отдельные ее территории. В них имелся весьма значительный статистический материал. Они обеспечивались также визуальным материалом и содержали самые различные фотографии, которые давали более наглядное представление о стране и ее частях. Это соответствовало задаче страноведения, которая заключалась в том, чтобы дать широкому кругу читателей общее представление о стране и ее регионах. Его структура включала характеристику территории, природных условий и ресурсов, населения и хозяйства страны с учетом особенностей их исторического развития. Исторический материал, таким образом, составлял неотъемлемую часть страноведческих сочинений. Вне этого материала было невозможно давать объяснение особенностям культуры и образа жизни населения, его состояния в тот период, когда было создано данное сочинение.

К таким российским территориям, которые представляли особый интерес для отечественного читателя с точки зрения страноведения, относилась область Войска Донского. Внимание объяснялось существенными особенностями этой части Российской империи по сравнению с другими ее территориями, наличием особого культурно-бытового уклада и самобытной истории ее коренного казачьего населения, а также существованием противоречий между казачеством как ее коренным населением и населением, не относившимся к казачеству. В то же время эта область, особенно после проведения железных дорог, не была оторвана от других территорий страны и испытывала влияние других культур. Наглядно это стало заметно с 1887 г., когда к области были присоединены Ростовский и Таганрогский уезды со значительным населением, не относившимся к казачеству, с крестьянским и

городским населением. Поэтому в страноведческих описаниях области ее истории и современному состоянию уделялось существенное внимание.

Сам по себе интегративный характер страноведения, который определяет включение в его рамки сведений из разных дисциплин, уже предполагает наличие в нем нескольких направлений. В специальной литературе указывается на выделение четырех типов страноведения – научного, информационного, публицистического, образовательного (Козырева, 2012: 13–14). Страноведческие сочинения конца XIX – начала XX вв., в которых речь идет о Доне и которые стали объектом анализа данной статьи, относятся к информационному типу. Они были предназначены для удовлетворения интереса образованного читателя к географии, этнографии, экономике, истории и культуре страны и ее регионов. Это была читательская среда эпохи модернизации, которая отличалась значительной деловой активностью, нуждалась в деловых поездках и в установлении самых различных контактов, а отсюда формировалась ее потребность в знании страны и региона, земли и людей. Несомненно, что литература о стране и регионе для такого читателя должна была содержать нормативные научные сведения своего времени, в том числе и данные, относящиеся к исторической науке. Но, поскольку такой читатель, как правило, не относился к академической среде, то все эти сведения должны были подаваться на доступном и популярном уровне. В то же время страноведческое описание должно было воздействовать не только на рациональную, но и на эмоциональную сторону личности читателя. Поэтому автор такого труда из массы географического, исторического и иного материала о стране и регионе использовал, как подчеркивает современный географ Н.С. Мироненко, «наиболее впечатляющие детали, бьющие на воображение» (Мироненко, 2001: 16). При этом в центре внимания страноведческой литературы оказывался человек. Выдающийся отечественный географ Н.Н. Баранский подчеркивал, что задача страноведения – «синтетическое изучение стран и районов, охватывающее и природу, и человека во всем их сложном взаимодействии» (Баранский, 1980: 34). По мнению одного из основателей французской географической школы, П. Видалья де ла Блаша, «ядром страноведческих характеристик» должен становиться «так называемый "образ жизни"» (Машбиц, 1999: 32). В то же время, отмечала О.А. Александровская, согласно Видаль де ла Блашу, прямолинейное «сближение деталей физической географии и деталей истории рискует быть очень поверхностным» (Александровская, 1972: 59), а это предполагало его отрицательное отношение к идее географического детерминизма и понимание того, что история страны и региона не вытекает напрямую из особенностей его географии, однако и не исключает влияния природно-географического фактора.

Специального исследования характерных черт и особенностей исторического материала, относящегося к Дону и содержащегося в таких сочинениях, до сих пор не проводилось.

Комплексный анализ исторических сведений о Доне и донском казачестве в русских страноведческих сочинениях конца XIX – начала XX вв., который является целью данной статьи, опирается на методологический принцип историзма. Страноведческие сочинения с историческими очерками рассматриваются как типичный продукт культуры того времени, когда в обществе был замечен значительный интерес к странам и их регионам, к их культуре и истории. Методологический принцип понимания человека прошлого и культуры его времени дает возможность уяснить характер и особенности культуры общества, в котором сформировался запрос на страноведческую литературу и на наличие в ней исторической составляющей, на форму подачи исторического материала, который в ней присутствует. Использование историко-типологического метода позволяет видеть в подобных сочинениях и в исторической их части определенный культурно-исторический тип популярного сочинения. Тем более, что понятие «культурный тип» получает распространение в гуманитарном научном знании того времени и «охватывает общие тенденции в рамках целенаправленного развития духовной сферы жизнедеятельности человеческих коллективов» (Трапш, 2006: 90). Такое сочинение было рассчитано на широкого заинтересованного читателя, желающего получить комплексное представление о стране и регионе, истории и культуре. Оно же дает представление о читателе этой литературы как о специфическом продукте культуры эпохи модерна, который был ее потребителем и стремился расширить свои географические и исторические знания о странах и регионах.

Заметное место занимает описание области Войска Донского в многотомном труде «Живописная Россия», где автором ряда очерков о Доне был известный писатель и знаток истории казачества, уроженец Дона Д.Л. Мордовцев. Как он отмечал в очерке «Донские казаки», историческое начало казачества «неуловимо для истории». Но, во всяком случае, уже к началу XVI в. оно было сообществом, «до известной степени сложившимся в нечто определенное». Он указывал, что донские казаки уже тогда «участвовали в "собираании русской земли"», причем первые упомянутые в связи с присоединением Астрахани казачьи атаманы Павлов и Ляпун были для донской истории тем, «чем когда-то для Рима были Ромул и Рем». В причинах появления казачества он видел «народные мотивы». К ним он относил «искание новых привольных к жизни земель» и «оберегание украинских, пограничных мест своих метрополий от хищных набегов татар» (Живописная Россия, 1899: 16). Возникновение казачества на Дону он объяснял положением населения в Московском государстве. Такие обстоятельства, как «кабальная зависимость» в соединении с «неограниченным произволом всяких судей, тиунов, целовальников, приказных и подьячих», были для народа невыносимы. Все это «заставляло многих из московских людей идти из своей родной земли», и «преимущественно на

Дон» ([Живописная Россия, 1899: 17](#)). Подобная версия происхождения казачества была распространена на Дону. Но при этом Д.Л. Мордовцев прямо связывал появление донских казаков с уходом населения из Московского государства, тогда как в историческом сознании казачества в то время все более утверждалась версия о казаках как об особом народе, не связанном своим происхождением с Россией и русскими, об особых правах казачества на Донскую землю. В то же время его утверждение о том, что донские казаки «покорили Сибирь» ([Живописная Россия: 1899, 18](#)), было на Дону очень распространено и весьма популярно. Мордовцев утверждал, что уже в ту пору «донские казаки являются уже силою, от которой долгое время почти вполне зависела участь всей русской земли» ([Живописная Россия: 1899, 19](#)). В этом утверждении проявлялось явное преувеличение, лестное для казачества.

С заметным сочувствием Мордовцев относился к Степану Разину. По его словам, вовсе не случайно, что «разбойник сделался главою народного восстания» ([Живописная Россия: 1899: 21](#)). Столь же сочувственно отнесся он и к Кондратию Булавину. Подавление этого восстания, отмечал он, было очень жестоким. Совершенно справедливо Мордовцев обращал внимание на исторические основы сословной розни, которая существовала на Дону между казаками и пришлым из внутренней России населением. Он подчеркивал, что даже самый небогатый казак, который у своего богатого соседа-казака «мог быть и сторожем, и свинопасом», «считал себя выше не только "крестьянина", "мужика", но и всякого русского купца – "кацапа" или "музлана"» ([Живописная Россия, 1899: 25](#)). Замечание было совершенно справедливым. Сословная рознь по мере увеличения численности на Дону неказачьего населения, в связи с привилегированным положением казаков и с нехваткой земли у донских крестьян нарастала. Но при этом Мордовцев отмечал тяжесть казачьего воинского уклада. Он особо подчеркивал, что следствием такого уклада был низкий уровень развития земледельческого хозяйства и скотоводства у казаков, слабая доходность промыслов. Служба, отмечал он, отвлекала казака от хозяйства, и поэтому особенностью донского уклада он видел значительное, а подчас первостепенное место женщины-казачки в тяжелой хозяйственной работе. Отсюда он констатировал, что «самое казачество, как известная стадия исторического хода общества, представляется одною из вымирающих форм жизни». Далее он прямо делал вывод: «чем скорее завершится полное вымирание, тем лучше». Мордовцев тем самым высказывал мысль о несоответствии казачества как особого воинского сословия новой исторической эпохе, которая наступала в России в период буржуазных реформ и модернизации русского общества, об исторической неизбежности ухода казачества в прошлое.

Определенное место в географическом описании Российской империи занимал Дон в большом труде по мировому страноведению, автором которого был выдающийся французский географ Э. Реклю. На рубеже XIX–XX вв. его труд был издан на русском языке. Как подчеркивала О.А. Александровская, «Э. Реклю утверждает необходимость общественно-исторического подхода к страноведению» ([Александровская, 1972: 41](#)), и это само по себе предполагает значительное внимание к исторической части страноведения. Часть третьей книги этого труда, вышедшей в свет в 1898 г., относилась к Европейской России, в том числе и к области Войска Донского. Особенностью рассмотрения территорий в этом труде было то, что характеристики отдельных частей государства давались по рекам. В этой связи Область войска Донского рассматривалась после других административных единиц России, находившихся в бассейне Дона, – после Воронежской губернии по Дону и Харьковской губернии по Северскому Донцу. В этом проявилось определенное влияние исследовательских методов географической науки на страноведческий труд Э. Реклю. По своему объему описанию области Войска Донского в этом труде не столь уж велико. Особое внимание Э. Реклю уделил донскому казачеству как группе населения, имеющей существенные особенности в истории, хозяйстве, быту и культуре. Говоря об ее истории, французский географ отметил важнейшие события и выделил общее ее направление, справедливо указывая на стремление русского правительства подчинить казаков государству. Он характеризовал раннее казачество как «в одно и то же время разбойников и героев» ([Реклю, 1898: 1097](#)) и верно подчеркивал, что подавление Булавинского восстания осуществлялось крайне жестоко, а начальник карательных сил князь В. Долгорукий «перевешал множество мятежников» ([Реклю, 1898: 1098](#)). Затронул Э. Реклю историческую память казаков, говоря о том, что они «воспевают в своих песнях подвиги предков, войны с татарами, взятие Азова, возмущение Степана Разина» ([Реклю, 1898: 1099](#)). Особенностью современного состояния казачества на Дону он считал все более заметную связь его с разными отраслями хозяйства и обращал внимание на то, что у казаков «военное устройство все менее и менее соответствует их гражданской жизни» ([Реклю, 1898: 1098](#)).

Допускал вместе с тем Э. Реклю и отдельные неточности. Так, завоевание Сибири под предводительством атамана Ермака он ставил в заслугу донским казакам. Между тем донской читатель мог увидеть в этом утверждении авторитетного ученого подтверждение своих мыслей об особой роли казачества в истории России, о том, что столь значительным расширением своей территории государство обязано казачеству. Он неверно указал на 1731 г. как на дату основания крепости Ростов, поставленной для контроля над казачеством ([Реклю, 1898: 1098](#)), в этот год была поставлена крепость Святой Анны ([Полное собрание...: № 5681](#)), расположенная на буграх несколько северо-восточнее войсковой столицы Черкаска. Тем самым донской читатель мог делать вывод о

подтверждении в труде Э. Реклю своих мыслей о постоянном стремлении России подчинить Войско Донское и о том, что русские власти не были способны достойно оценить службу казачества. Несколько позже, накануне и в период Гражданской войны, эту мысль значительно более четко и определенно выражал донской автор Е.П. Савельев в своей «Истории казачества», указывавший на постоянное историческое «противостояние Дона и России» (Корниенко, 2013: 145).

Весьма удачно выделял Э. Реклю особенности городов области. Он отмечал быстрый рост Ростова, ставшего центром торговли и местом сбора сезонных рабочих, приходивших из Центральной России на заработки. Указал он на развитие Новочеркасска после проведения через него Юго-Восточной железной дороги и на постепенный упадок древнего Азова. Он писал о существовании в Азове остатков турецкой крепости, но верно указывал, что «от древней Таны венецианцев, наследницы греческого Танаиса», «не осталось никаких следов» (Реклю, 1898: 1107, 1109). Тем самым в развитии городов и городской жизни области он видел проявление нового уклада, приходившего на смену прежнему военному и сельскому казачьему укладу.

Крупнейшим исследованием в области страноведения, которое выходило в свет в нашей стране, была фундаментальная многотомная «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» под общим руководством академиков П.П. Семенова-Тян-Шанского и В.И. Ламанского. Замысел осуществился не полностью, до революционных событий 1917 г. удалось издать не все тома, охватывавшие полностью территорию Российской империи. Но том 14, имевший заголовок «Новороссия и Крым», увидел свет в 1910 г. Часть этого тома была посвящена области Войска Донского, которая считалась восточной частью Новороссии. Как и другие тома этого труда, данный том имел четкую структуру. Общий анализ региона начинался в нем с географического положения и природных условий. Затем следовал исторический очерк, демографическая часть и оценка его экономического положения. За общей характеристикой региона следовало подробное описание его отдельных частей. Данные описания включали в себя разные исторические и историко-культурные обзоры по отдельным территориям. Все это сопровождалось весьма богатым статистическим материалом, который позволял видеть динамику описываемых процессов и положение на время создания исследования, а также было иллюстрировано качественными фотографиями.

Историческая часть охватывает новороссийские губернии (Бессарабскую, Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую и Ставропольскую) и область Войска Донского в целом и начинается с археологии. Затем идет история Приазовья и Причерноморья античного времени, которая прямо затрагивает территорию всего Нижнего Дона. Среди античных городов упоминается Танаис, говорится об истории Дона при скифах и сарматах. Кратко, но обстоятельно показана история Дона в период нахождения там тюркских кочевых сообществ, от болгар раннего Средневековья на Нижнем Дону и хазар до печенегов и половцев, а затем, после монгольского завоевания, включительно до татар. Подчеркнуто место в жизни края средневекового Азака и приведена фотография азовского крепостного вала. Между тем автор исторической части Я.В. Ставровский осознавал, что наибольший интерес для страноведения представляет характеристика культурно-исторических особенностей местного населения. Он показал это в разделе исторической части, относящейся к истории донского казачества. Начало казачества он относил к XVI в., не принимая распространявшиеся в то время версии его более раннего происхождения, которые не имели фундаментального научного обоснования, но пользовались определенной популярностью. В то время, как он отмечал, «московские окраины выделяли группу людей, недовольных элементов, искавших в степях приключений и легкой наживы и одинаково опасных соседей как для татар, так и для мирных подданных Московского государства». В этом отношении он был близок к объяснению причин возникновения казачества, которые давал С.М. Соловьев, видевший в казаках разбойный элемент русского общества, людей, не желавших жить своим трудом и стремившихся существовать за счет грабежей и разбоев, а также военной добычи, взятой у противника. Но, указывая источники пополнения рядов казачества на Дону в XVII в., он более глубоко раскрывал причины ухода разных слоев русского населения на Дон. К ним он относил разорения в русских землях за период Смуты, налоговый гнет, усиление крепостного права и ухудшение положения крестьян, а затем, с 1667 г., бегство «раскольников», основывавших «свои скиты по верховьям Дона, Хопру, Медведице, Бузулуку и Донцу» (Россия, 1910: 151).

Как важную особенность внутренней жизни на Дону до XVIII в. Ставровский показывал демократическое устройство Войска Донского. Говоря о Войсковом круге, на котором решались дела управления и суда, он подчеркивал, что ходить на круг могло «все казачье взрослое мужское население, находившееся в данный момент в главном казачьем городке – "Главном войске"». Вместе с тем им было правомерно обращено внимание на формирование социального расслоения в казачьей среде на «домовитых, старых насельников Дона, успевших обзавестись своим хозяйством и потому представлявших опору порядка, и голутвенных (голытьбы), прибывавших на Дон с верховьев позднее, когда условия для расселения были уже менее благоприятными». Из голытьбы «вербовались так называемые воровские казаки», которые легко примыкали «ко всяким восстаниям в поисках богатства и удачи», что особенно проявилось во время восстания под предводительством Степана Разина. Но, характеризуя историю казачества с точки зрения интересов государства, Ставровский писал, что «при удачном направлении этих сил и они оказывались полезными; так,

напр., воровские казаки покорили Ивану Грозному Сибирское царство» (Россия, 1910: 153). С позиций государственной пользы оценивалась им московская политика в отношении Дона. Признав роль казаков в защите рубежей государства, правительство «открыто и весьма охотно поддерживало их, посылая им жалованье» (Россия: 1910, 154). Полное же подчинение донского казачества Ставровский правомерно связывал с подавлением Булавинского восстания при Петре I. При этом им было указано на уход с Дона части мятежных казаков-старообрядцев, во главе которых стоял атаман Игнат Некрасов, под покровительство крымского хана. Упоминание Ставровским о демократии на Дону, о покорении Сибири казаками, о подчинении Войска Донского России при Петре I соответствовало представлениям об истории Дона в казачьей среде.

История Дона за более поздний период, относившийся к XVIII – началу XX вв., освещалась главным образом в части, содержащей характеристику округов Области войска Донского и ее населенных мест и написанной географом М.С. Семеновым. В ней отмечалось воздействие отмены крепостного права и других реформ, проводившихся при императоре Александре II, а также железнодорожного строительства на общее развитие области. Особенно заметно это было на развитии Ростова, причем приводилась статистика роста населения в городе, который был, судя по этим данным, в пореформенный период очень быстрым. Подчеркивалось, что в качестве особенности развития города имели место самовольные захваты земель переселенцами из центральных российских губерний, которые «оседали в Ростове, занимая для этого пригородные земли» (Россия, 1910: 818). Так возник, писал Семенов, пригородный поселок Нахаловка. Его возникновение в значительной мере отражало характер развития самого Ростова, никогда не пользовавшегося, в отличие от Таганрога или Новочеркаска, начальственной поддержкой, но тем не менее ставшего к концу XIX в. важнейшим экономическим центром Дона. В то же время он отмечал застой в развитии Таганрога и неспособность областного центра, Новочеркаска, выдерживать конкуренцию с Ростовом, даже несмотря на проведение через него Юго-Восточной железной дороги. В то же время Семенов справедливо указал на оборотную сторону бурного экономического роста, который имел место на территории, входящей в пределы области части донецкого угольного бассейна. Так, он обращал внимание, что рост добычи угля, с которым было связано экономическое развитие не только области, но и всего Юга страны, сопровождался трагедиями, связанными с недостатками техники безопасности на шахтах. Говоря о Рыковских шахтах, он отмечал, что они «особенно пользуются дурной известностью; в 1899 г. на них произошел взрыв, от которого погибло до 100 рабочих; 18 июня 1908 г. случилась вторично катастрофа, после которой из шахты было извлечено до 250 трупов; из остальных рабочих, работавших в это время под землей ... были обожженные, изуродованные, помешавшиеся» (Россия, 1910: 841). Это давало представление о противоречиях пореформенной модернизации и ускоренной индустриализации того времени, которые наглядно проявлялись в пределах донской части Донецкого каменноугольного бассейна.

Описание городов и населенных мест давало Семенову основание более подробно остановиться на исторических личностях, связанных с ними. Так, при описании Таганрога большое место занимают сведения о великом русском писателе А.П. Чехове, причем не только о молодых его годах, которые он провел в городе, но и о времени расцвета его творчества. Описание Новочеркаска содержит краткую биографию его основателя, атамана М.И. Платова. При описании станицы Потемкинской Второго Донского округа приводится рассказ об ее уроженце Емельяне Пугачеве, когда станица до восстания под его предводительством называлась Зимовейской. Рассказ о Степане Разине приведен в связи с описанием села Кагальник на берегу Азовского моря, у впадения в него реки с таким же названием. Но в этом рассказе содержится историческая неточность. Указано, что оно в 1669 г. было основано Степаном Разиным. Разин и в самом деле создал осенью 1669 г., после возвращения из Каспийского похода, свой лагерь вблизи уже существовавшего казачьего Кагальницкого городка (Россия, 1919: 829). Однако это было совсем в другом месте, у впадения реки Кагальник в Дон. На территории области Войска Донского имеется две реки Кагальник, одна из них находится на левом берегу Дона и впадает в Азовское море, другая – на правом берегу и впадает в Дон несколько выше устья Северского Донца. Семенов этого не учел, и потому в очерке оказалась такая неточность. Село Кагальник на Азовском море не было основано С. Разиным. Еще одна неточность связана с Ермаком. Семенов писал, что будто бы было «установлено, что в 70-х годах XVI в. Ермак был избран старшиной от Кагальницкой станицы (под Ростовом) и поставлен для охраны границы от Астрахани до р. Дона, но сам примкнул к разбойничьим шайкам на Волге» (Россия, 1910: 866). Это утверждение между тем носит легендарный характер. Даже на Дону к тому времени уже не настаивали на достоверности версии о Ермаке как о донском казаке и на памятнике в Новочеркасске, поставленном в 1904 г. академиком М.О. Микешиним, была сделана надпись «Ермаку донцы», без указания на то, что Ермак – донской казак или атаман. Не находит подтверждения версия о Ермаке как о волжском казаке-разбойнике. Также ошибочно указано на то, что на реке Сал, на левом берегу Дона, произошла в 1111 г. битва Владимира Мономаха с половцами (Россия, 1910: 880). Между тем упомянутая в летописи речка Сальница, где состоялась эта битва, не была Салом и впадала в Северский Донец. Такие неточности можно считать существенными, и они не могли быть не замечены знакомому с историей читателю. Но, несмотря на наличие подобных неточностей, в целом

исторические описания, данные Я.В. Ставровским и М.С. Семеновым, дают общее представление об истории области и исторических особенностях культуры ее населения.

Уже в период Гражданской войны на Дону был издан фундаментальный труд страноведческой направленности «Очерки географии Всевеликого Войска Донского», автором которого был член Статистического комитета области Войска Донского В.В. Богачев. По своей структуре он напоминает «Полное географическое описание нашего отечества». В нем имеются такие же части – физико-географическая, историческая, демографическая и этнографическая, а также экономическая часть. После этого идет описание отдельных населенных мест по округам, на которые в административном отношении делилась область. Историческая часть занимает не столь значительное место в общей структуре книги, как это было в «Полном географическом описании нашего отечества». Но она дает наглядное представление об особенностях исторических взглядов не только автора, но и значительной части казачества и отражает особенности положения на Дону в начале прошлого века, а также несет на себе видимый отпечаток Гражданской войны, когда она была создана.

Говоря об истории Дона периода древности и средневековья, до появления казачества, Богачев связал особенности его развития того времени с его географическим положением. Оно определялось расположением территории Дона на открытой степной равнине, которая служила местом передвижения разных кочевых народов. Это вызывало трудности для утверждения оседлой культуры. В таких условиях, писал Богачев, не только на Дону, но и в обширной степной части Восточной Европы «малочисленные колонисты, удалившись от метрополии (родины своей), не могли образовать прочного, сильного государства. Их города падали под ударами пришельцев». Но греческий город в устье Дона Танаис, как указывал он, смог существовать только потому, что «попытки колонистов объединиться с туземцами» жителям этого греческого города вполне удались. Та же причина, отмечал Богачев, определяла гибель средневековой венецианско-генуэзской колонии Тана в устье Дона, поскольку итальянская метрополия не смогла подать помощь этим «своим колониям», которые были расположены столь далеко от нее. Но и турки, захватившие Азов в 1471 г., сами оказались в очень затруднительном положении, поскольку не могли его защитить ни от донских казаков в 1637 г., ни от армии и флота Петра I в 1696 г. также «вследствие удаленности» Азова от Константинополя (Очерки, 1919: 10). Таким образом, Богачев выделял положение Дона в качестве окраинной территории для разных цивилизаций еще с античной древности. Тем самым такое окраинное положение он выделял в качестве очень существенной особенности разных культурно-исторических сообществ древности и средневековья, проживавших на Дону. В историческом сознании донского казачества представление о Доне как об окраинной территории России вплоть до времени российского продвижения на Кавказ было широко распространено и постепенно стало уходить по мере того, как в результате утверждения на Кавказе Дон оказывался на положении внутренней территории.

Географическое положение Дона мешало, как писал Богачев, закреплению на его территории оседлого населения. Но, с другой стороны, интерес к Дону поддерживался на протяжении веков ввиду его значения как важного торгового пути, который вел в Азовское и Черное моря, в Крым и Турцию. Поэтому «всякий раз, как только устанавливалось в южно-русских степях хотя бы относительное спокойствие, политическое равновесие, утихали неистовства движущихся волн народов, тотчас же устремлялись туда колонисты с попытками основать свои фактории, городки», – писал он. Торговое значение Дона учитывали многие, в том числе Петр I, который предпринимал попытки соединения Дона с Окой с помощью системы шлюзов и с самой Волгой с помощью канала (Очерки, 1919: 13), но оба раза эта работа не была доведена до конца. Тем самым Богачев разделял устоявшееся в экономической и социальной истории того времени представление об особом значении торговых связей и путей, что не противоречило положениям теории торгового капитализма, получившей распространение в трудах некоторых историков дореволюционного времени и в исследованиях советских историков двадцатых годов.

Как и в «Полном географическом описании нашего отечества», в «Очерках географии» происхождение казачества не отодвигается в раннее средневековье или в еще более ранние эпохи, как это было уже к тому времени в некоторых исторических сочинениях. Также это явление связывается с Московской Русью, взгляд на казачество как на особый народ Богачев не разделял и при этом указывал на пестроту этнических компонентов, из которых образовалось донское казачье сообщество. Время его образования, согласно Богачеву, относится к концу XV – началу XVI вв. Сначала это были рязанские служилые казаки, которые уходили «на Дон в молодечество» (Очерки, 1919: 250). К середине XVI в. на Северском Донце появились казаки-севрюки из Северской Украины. Их городки к 1570 г. были, указывал он, «на Донце, Айдаре и даже близ Бахмута» (Очерки, 1919: 251). Одной из групп населения, уходившего на Дон, он указывал новгородцев. После подчинения Московским государством в 1478 г. Новгорода, а в 1489 г. Вятки «вольнолюбивые новгородцы спустились по Волге ... на Дон и вошли в состав казачества» (Очерки, 1919: 254). В качестве причины ухода людей из России на Дон он обращал внимание на социальные отношения в России. Он отмечал, что после Смуты в России донские казаки «сманивали с собою крестьян», стремившихся к вольности, и «с оружием защищали этих людей и не выдавали их помещикам» (Очерки, 1919: 253). Во второй половине XVII в. приток людей на Дон усиливался также в связи с церковным расколом. При Петре I,

по его словам, «крестьяне и мещане бежали на Дон от набора в войска или от обязательных работ на фабриках, заводах» (Очерки, 1919, 255). Все указания на уходы населения из внутренних уездов России на Дон совершенно справедливы. Но Богачев вместе с тем не указывал, насколько решительной стала при Петре I борьба государства с уходом людей на Дон, с какой настойчивостью власти добивались возвращения беглых.

Другие актуальные вопросы истории Дона и донского казачества были затронуты Богачевым в меньшей степени. Это не случайно, поскольку для него исторический очерк представлял собой как бы введение в этнографическую часть труда, которая занимает в нем большое место. Особенно подробно дается этнографическая характеристика казаков и донских казаков-калмыков (донских калмыков). Что касается казаков, то Богачев особо подчеркивал различия между казаками низовых и верховых станиц. Такие различия отмечали еще авторы-казаки более раннего времени. Есаул Е.Н. Кательников в 1818 г. выделял среди донских казаков три группы, основываясь на особенностях их говора. Это были «Донцы-Верховцы», «Донцы-Серединцы» и Донцы-Низовцы» (Исторические сведения..., 1886: 5). Особенности жизни донских казаков «в нижних юртах» выделял его младший современник, выдающийся донской историк В.Д. Сухоруков (Сухоруков, 2001: 418). Несколько ранее историк донского казачества второй половины XVIII в. генерал-майор А.И. Ригельман разделял казаков, но по расположению станиц на берегах рек – Дона и его притоков (Ригельман, 1992: 169–171). Известный донской экономист С.Ф. Номикосов справедливо видел разделение донских казаков на верховых и низовых еще при царе Федоре Ивановиче. «Царь жаловал более верховых казаков, за что низовые, несшие в действительности большую воинскую тяготу, были недовольны», – писал он (Номикосов, 1884: 15).

Особенности типа казаков не только на Верхнем и Нижнем Дону, но и по округам Богачев очень хорошо знал, поскольку сам был казаком. Его характеристики основывались не только на особенностях языка, но и на культурных различиях. Так, он отмечал, что в Черкасском округе казаки «представляют наиболее яркий низовый тип, гордый своим казачьим званием, щеголяющий одеждою и манерами, внешним лоском на городской лад». Они даже «насмешливо относятся к простоватым уроженцам более высоких станиц» (Очерки, 1919: 420). Несколько иным было положение на Верхнем Дону. В Вешенской и в соседних станицах, писал он, на местном казачьем населении «лежит какой-то еще неуловимый, но ясно уже ощущаемый отпечаток влияния соседства поглощенной торговыми интересами Воронежской губернии» (Очерки, 1919: 478). Особенностью Второго Донского округа он считал значительное количество старообрядцев, которые сохраняют «старинный уклад жизни» (Очерки, 1919: 456). Донской читатель это вполне представлял. Однако для российского читателя далеко не всегда было известно о культурно-исторических типах донского казачества, сложившихся в местах их традиционного проживания.

Для характеристики донских калмыков в книгу включен обширный очерк донского исследователя И.П. Попова о калмыках. Этот очерк включает в себя исторический обзор от времени походов Чингисхана до вхождения части калмыков в состав Войска Донского. Уделено также внимание истории калмыцкой культуры, в частности деятельности в XVII в. просветителя монгольских народов Зая Пандиты. Вместе с тем давались этнографические характеристики другим слоям населения Дона, русским и украинским крестьянам и разным народам, жившим на Дону. Территория Всевеликого Войска Донского была представлена Богачевым как место мирного сосуществования разных культур и хозяйственно-бытовых укладов. Об остроте земельного вопроса на Дону, о сложностях взаимоотношений между казаками и крестьянами Богачев не упоминал. В условиях острейшей Гражданской войны на Дону, в которой аграрный вопрос занимал ведущее место, верхушка Войска Донского, поддерживавшая издание книги Богачева, не стремилась привлекать внимание читателя к этому вопросу и к связанной с ним сословной и социальной розни во внутренней жизни Дона.

Обстановка Гражданской войны сказывалась, кроме того, на содержании книги самым непосредственным образом. Богачев сопоставлял красных, против которых в 1918–1919 гг. воевало Всевеликое Войско Донское, с азиатскими ордами, которые, «гонимые нуждою, земельной теснотою и бедностью», «устремлялись в цветущие страны, неся разрушение, разорение мирной культуры». Он подчеркивал, что «в наши дни Дон оказался на пути» этих сил разрушения (Очерки, 1919: 14). Такая точка зрения была на Дону в период Гражданской войны весьма распространенной и популярной. Она соответствовала настроению значительной части казачества, самым серьезным образом опасавшегося прихода в пределы области большевиков и репрессий со стороны советской власти за участие в Гражданской войне.

3. Заключение

Таким образом, активно развивавшееся в конце XIX – начале XX вв. страноведение уделило внимание Дону как одной из крупных и самобытных частей России, со своими очень существенными особенностями истории и культуры. Материалы, относящиеся к Дону, позволяют сделать вывод, что в рамках страноведения историческая часть, наряду с географией страны, составляла основу ее описания. Оно включало в себя также, помимо исторического материала, демографию, экономику и статистику. В страноведческих описаниях все это сводилось к характеристике главной проблемы – человека на земле. Но при этом во всех сочинениях страноведческой направленности при изложении

событий, явлений и процессов донской истории авторы сумели удержаться от географического детерминизма и от прямого объяснения хода истории особенностями географии Дона. При этом страноведческие описания носили популярный характер и были рассчитаны на широкого читателя, но при этом заинтересованного и образованного, имевшего определенные знания о регионе и его истории и желавшего их пополнить. Из исторической части страноведческих описаний Дона видно, как в ходе исторического развития на этой территории менялся человек, превращаясь из промысловика и воина в человека нового общества, вступающего на путь модернизации, как общие тенденции в развитии культуры проявлялись в жизни и в повседневном быту человека и общества. Вместе с тем из этой части заметно проявление общей тенденции к гуманизации культуры, которая проявлялась на рубеже XIX–XX вв. В целом историческая часть страноведческих описаний Дона содержит положения, соответствующие распространенным в обществе представлениям, стереотипам массового исторического сознания, и подкрепляет их. Так, иногда указывается на связь между донскими казаками и Ермаком и даже на пребывание атамана-завоевателя Сибири в роли атамана одного из донских казачьих поселений, причем это были представления не только казачества, но и других слоев донского населения. Кроме того, в исторических описаниях в отдельных случаях содержатся и некоторые другие исторические неточности. Но даже с учетом данных недостатков можно сказать, что заинтересованный читатель получал общее представление об истории Дона, об исторических предпосылках возникновения того состояния, которое переживал край на время создания описания, и о важнейших сторонах современной жизни населения.

Литература

- [Александровская, 1972](#) – Александровская О.А. Французская географическая школа конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 1972.
- [Афанасьев, 1980](#) – *Афанасьев Ю.Н.* Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. М.: Мысль, 1980.
- [Баранский, 1980](#) – Баранский Н.Н. Страноведение и география физическая и экономическая / Избранные труды. Научные принципы географии. М.: Мысль, 1980.
- [Живописная Россия, 1899](#) – Живописная Россия. СПб.: Изд. товарищества М.О. Вольф, 1899. Т. 7. Ч. 2.
- [Исторические сведения..., 1886](#) – Исторические сведения Войска Донского о Верхне-Курморской станице, составленные из сказаний старожил и собственных примечаний, 1818 года декабря 31 дня, Евлампия Кательникова. Новочеркасск, 1886.
- [Козырева, 2012](#) – *Козырева А.М.* Страноведение. Учебное пособие. Ярославль, 2012.
- [Корниенко, 2013](#) – *Корниенко Б.С.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2013.
- [Машбиц, 2001](#) – *Машбиц Я.Г.* Основы страноведения. Книга для учителя. М.: Просвещение, 1999.
- [Мироненко, 2001](#) – *Мироненко Н.С.* Страноведение. Теория и методы. М.: Аспект Пресс, 2001.
- [Новикова, Сиземская, 1997](#) – *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Русская философия истории. Курс лекций. М.: Магистр, 1997.
- [Номикосов, 1884](#) – *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание области Войска Донского. Новочеркасск, 1884.
- [Очерки географии..., 1919](#) – Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919.
- [Полное собрание...: № 5681](#) – Полное собрание законов Российской империи. Т. 8. № 5681.
- [Реклю, 1898](#) – *Реклю Э.* Земля и люди. Всеобщая география. В 10-ти кн. Пер. под ред. С.П. Зыкова. СПб.: Общественная польза, 1898. Кн. 3.
- [Ригельман, 1992](#) – *Ригельман А.И.* История о донских казаках. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1992.
- [Россия, 1910](#) – Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского и под общим руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского и акад. В.И. Ламанского. СПб.: Изд. А.Ф. Дервиена, 1910. Т. 14. Новороссия и Крым.
- [Румянцева, 2002](#) – *Румянцева М.Ф.* Теория истории. М.: Аспект Пресс, 2002.
- [Сухоруков, 2001](#) – *Сухоруков В.Д.* Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону: Изд-во ГинГо, 2001.
- [Трапш, 2006](#) – *Трапш Н.А.* Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2006.
- [Шпенглер, 2003](#) – *Шпенглер О.* Закат Европы. В 2-х т. М.: Айрис-пресс, 2003. Т. 1.

References

- [Alexandovskaja, 1972](#) – *Alexandovskaja O.A.* (1972). Francuzskaja geograficheskaja shkola konca XIX – nachala XX veka [French geographical school of the late XIX–early XX century]. М.: Nauka.
- [Afanasjev, 1980](#) – *Afanasjev Ju.N.* (1980). Istorizm protiv eklektiki. Francusskaja istoricheskaja shkola «Annalov» v sovremennoj burshuaznoj istoriografii [Historicism versus eclecticism. French historical school "annals" in modern bourgeois historiography]. М.: Mysl.

- Baranskij, 1980** – *Baranskij N.N.* (1980). Stranovedenie i geografija fizicheskaja i ekonomicheskaja [Geography and geography physical and economic]. Izbrannye trudy. Nauchnyje principy geografii. M.: Mysl, 1980.
- Zhivopisnaja Rossija, 1899** – *Zhiwopisnaja Rossija* [Picturesque Russia]. Isdanije tovarishestwa M.O. Volf. 1899. T.7. Ch.2.
- Istoricheskie svedeniya, 1886** – Istoricheskie svedeniya Vojska Donskogo o Verhne-Kurmojarskoj stanice, sostavlennoye iz skazanij staroshilov i sobstvennyh primechanij, 1818 goda dekabnja 31 dnja, Evlampija Katelnikova [Historical information about the upper Don Cossacks Army the village, compiled from stories of old-timers and their own notes, 1818 Dec 31, Evlampija Kotelnikova]. Novoherkassk, 1886.
- Kozyreva, 2012** – *Kozyreva M.A.* (2012). Stranovedenie [Country geography]. Uchebnoe posobie. Jaroslavl.
- Kornienko, 2013** – *Kornienko B.S.* (2013). Pravyj Don: Kazaki i ideologija nacionalizma (1909-1914) [Right Don: Cossacks and the ideology of nationalism (1909-1914)]. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta.
- Mashbic, 1999** – *Mashbic Ja.G.* (1999). Osnovy stranovedeniya [Basics of country studies]. Kniga dlja uchitelja. M.: Prosvesheniye.
- Mironenko, 2001** – *Mironenko N.S.* (2001). Stranovedenie. Teorija i metody [Regional geography. Theory and methods]. M.: Aspekt Press.
- Novikova, Sizemskaja, 1997** – *Novikova L.I., Sizemskaja I.N.* (1997). Russkaja filosofija istorii [Russian philosophy of history]. Kurs lekcij. M.: Magistr.
- Nomikosov, 1884** – *Nomikosow S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanije Oblasti vojska Donskogo [Statistical description of the Don Army]. Novoherkassk.
- Ocherki, 1919** – Ocherki geografii Vsevelikogo Vojska Donskogo. Novoherkassk, 1919 [Sketches of geography of the all-great Don Army]. Novoherkassk, 1919.
- Polnoe sobranie** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. T.8. [Full collection of laws of the Russian Empire].
- Reklu, 1898** – *Reklu E.* (1898). Zemlja i ljudi. Vseobshaja geografija [Land and people. General geography]. V 10-ti kn. Per. pod red. S.P. Zykowa. SPb.: Obshestwennaja polza.
- Rigelman, 1992** – *Rigelman A.I.* (1992). Istorija o donskih kazakah [History of the don Cossacks]. Rostov-na-Donu: Rostizdat.
- Rossija, 1910** – Rossija. Polnoe geograficheskoe opisanije nashego otechestwa [Russia. Full geographical description of our Fatherland.]. Nastolnaja i dorozhnaja kniga pod red. V.P. Semenowa Tjan Shanskogo i pod obshim rukovodstwom P.P. Semenowa Tjan Shanskogo i akad. V.I. Lamanskogo. SPb., Izd. A.F. Derviemna, 1910. T.14. Novorossija i Krym.

История российского региона в контексте страноведения (научно-популярная географическая литература конца XIX – начала XX вв. о Доне)

Николай Александрович Мининков ^{a, *}, Людмила Владимировна Мининкова ^a

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. На рубеже XIX–XX вв. получило развитие страноведение. Оно стало одной из популярных отраслей комплексного гуманитарного и географического знания. В этот период появились фундаментальные труды по страноведению, которые относились к России и ее территориям, в том числе к области Войска Донского. В крупнейших трудах по страноведению этого времени в популярной форме излагались вопросы истории Дона в связи с вопросами его демографии, этнографии, экономики и с характеристикой населенных пунктов. К таким трудам относятся очерки из «Живописной России», написанные Д.Л. Мордовцевым, раздел переведенного на русский язык труда «Земля и люди» Э. Реклю, разделы из труда «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», созданного под общим руководством П.П. Семенова и из «Очерков географии Всевеликого Войска Донского» В.В. Богачева. В этих очерках и разделах обращается внимание на особенности истории края казачества как его коренного населения, на изменения в разных сферах внутренней жизни, происходившие в ходе исторического развития. В центре внимания очерков – человек, его культура, процессы формирования из промысловика и воина в человека нового времени, происходившие под воздействием постепенно развивавшихся модернизационных процессов. Очерки и разделы не лишены некоторых исторических неточностей. Появление на рубеже двух столетий подобной литературы свидетельствует о возрастании общественного интереса к географии и истории стран и регионов и об общей гуманизации культуры, в которой проблема человека на земле занимает все более заметное место.

Ключевые слова: страноведение, история, научно-популярная литература, история Дона, донское казачество, Д.Л. Мордовцев, Э. Реклю, П.П. Семенов, В.В. Богачев.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: namininkov@sfedu.ru (Н.А. Мининков),
lvmininkova@sfedu.ru (Л.В. Мининкова)